

Митрополит Сурожский Антоний

БЕСЕДА О ПРИТЧАХ

Сегодня я скажу несколько самых общих вещей о притчах.

Очень немногие притчи, будь то ветхозаветные или новозаветные, — просто иллюстрации, имеющие целью представить более живо какой-то принцип; они вовсе не подобие картинок в книжке для детей, где текст немного сложен, а благодаря иллюстрациям становится доходчив. Цель притч иная.

Притчи бывают различны, и они стремятся показать вещи с разных точек зрения. Я приведу вам несколько примеров. Есть притчи, назначение которых — быть прямым вызовом; таким вызовом, который с силой поразит человека, слушающего притчу, потому что он не защищается от содержащегося в ней обвинения. Притча такого рода — история о том, как пророк Нафан пришел к царю Давиду, который пленился женой одного из своих военачальников, поставил его в такое место битвы, где бы он был убит, и взял его жену себе в наложницы. Если бы пророк пришел и бросил ему обвинение прямо в лицо, скорее всего, Давид бы сказал: «Я — царь!» — и словно замкнулся бы в броню, чтобы защититься от этого вызова.

Вместо того Нафан рассказал ему случай; он сказал: было два человека, два соседа. Один — богач, владевший большим количеством скота и добра. Другой был беден; всего-то и была у него одна овечка, которую он лелеял, словно собственного ребенка. Однажды к богачу пришли гости; он хотел устроить им угощение, но ему стало жаль собственного скота. И он послал слуг отнять овечку у соседа, заколоть ее, и тот лишился **единственного**, чем обладал, но не только в материальном отношении: он потерял что-то, что было для него крайне ценно. Библия говорит, что эта овечка была для него, словно дочь. И царь Давид вскипел возмущением: «Скажи мне, кто этот человек, и он будет наказан!» И когда он так резко и недвусмысленно отозвался на ситуацию, которая в точности была его ситуацией, но иначе выраженной, пророк сказал ему: «**Ты** — этот человек; именно **это** ты сделал!» И тогда царя Давида ударило в сердце, ему некуда было уйти, потому что, осудив богача, он не мог никаким образом оправдаться. В результате этого события появился псалом, который мы снова и снова повторяем за богослужением, 50-й псалом, *Помилуй мя, Боже...*

Вот один пример притчи: это подобие, это что-то, что похоже на событие, к которому относится. Но оно представлено таким образом, что тот, кто слышит, может слушать открытым умом, открытым сердцем, не замыкаясь, не обороняясь, не предпринимая ничего для того, чтобы оказаться правым и не быть раненным. Это один тип притчи, который мы встречаем то тут, то там, чаще в Ветхом Завете, чем в Новом.

Затем, есть притчи, которые *как будто* говорят об одном, на самом же деле говорят о чем-то несколько ином; так что вы обращаете внимание на то, что очевидно, и до вас доходит менее очевидное, если только вы дадите себе время поразмыслить или ваш внутренний опыт так отзовется на притчу.

Пример, который приходит мне на ум, это Притча о Страшном суде — овцы и козлища в Евангелии от Матфея (см. 25:31-46). Мы постоянно думаем о ней, говорим о ней как о притче, относящейся к Суду. На самом же деле Суд только обозначен; эта притча, так сказать, лишь ставит вопрос, проблему. Потому что по сути дела там говорится: одни люди окажутся правыми, другие — неправыми, одни пойдут по одну сторону, другие — по другую. Это — юридический, так сказать, аспект; но *суть* проблемы бесконечно более важна, потому что она вот в чем: ты накормил голодного? ты одел нагого? ты принял под свой кров бездомного? ты посетил больного? ты согласился разделить унижение, позор своего друга и навестил его в тюрьме?.. И, кроме того, есть в этой притче другое измерение; если задуматься на мгновение, мы видим, что ни в какой момент эта притча о Суде не обращается к нам с вопросом: А теперь скажи — во что ты верил? верил ли ты в Бога? верил ли ты во Христа? верил ли ты в то, в это? соблюдал ли ты обряды церкви или что бы то ни было? *Ни один* вопрос не ставится на этом уровне; и *вся* проблема представлена так, я ее прочитываю так (вы, может, читаете ее иначе, но я пытаюсь поделиться с вами тем, как я сам ее читаю), *вся* суть в том: ты *был* человеческим? Если ты был нечеловечным, то тебе нет места в Царствии Божиим. Если ты был человеческим, тогда тебе открыт путь для **дальнейших** отношений с Богом, Который сотворил этот мир, включая и тебя, и Который согласился в Свою очередь стать человеком, стать одним из нас и дать нам пример, как жить, с какими чувствами жить и каким быть.

Затем, есть притчи, которые делают явным другой аспект вопросов, вещей, созревающих внутри нас и еще не ставших вполне ясными, — вопросы эти еще не всплыли на поверхность. Эти притчи заставляют нас увидеть другое измерение вещей. Я сейчас имею в виду притчу о семени и сеятеле. Во-первых, это

очень ясная картина. Вы помните рассказ: сеятель вышел сеять, и одно семя упало на камень, другое в тернии, что-то попало на дорогу, что-то на добрую почву. Само по себе всё тут ясно, это ясный вызов, и вызов вот в чем: ты — кто? Или вернее: я — кто?.. И мы даже не можем сказать: я — та или другая почва; единственное, что мы можем сказать: *сегодня* я каменный, *сегодня* я восприимчив, *сегодня* все тернии во мне не дают взойти чему бы то ни было... И я помню, как отец Александр Туринцев, старый священник в Париже, как-то сказал мне: в этом-то и смысл ежедневного чтения Евангелия. Сегодня я каменный, сегодня я — словно утоптанная дорога, а завтра я, быть может, окажусь плодородной почвой. А раз так, то если я стану ждать, пока окажусь плодородной почвой, я могу и упустить момент. Потому что только тогда, когда семя брошено, мы видим, куда оно упало. И тогда можно также ставить себе дальнейшие вопросы: что значит быть каменной почвой? что значит быть придорожной полосой, где все ходят и затаптывают семя? какие тернии удушают семя?.. Вот еще один шаг вперед в том, как можно рассматривать эту притчу.

Но когда Христос произнес эту притчу, Апостолы ничего не поняли; они так и спросили: «А что это значит?» И это случается с нами всё время не в отношении евангельских притч, потому что их мы читали, нам их разъяснили, но во множестве случаев, когда *жизнь* состоит из притч, из ситуаций, которые — вызов для нас, а мы даже не замечаем этого; или вызов брошен нам на одном уровне, а если мы внимательны, то начинаем обнаруживать новый уровень, новую глубину. Вот вам и другой пример.

Вероятно, существуют и другие подходы к притчам. Я всего лишь хотел указать некоторые типы ситуаций; но само слово **παραβολη** 'притча' по-гречески означает 'сравнение', но такое сравнение, которое богаче простой иллюстрации, сравнение, которое охватывает более широкую область, чем просто иллюстрация. Я не собираюсь углубляться в очень сложные предметы, но слово 'притча', **παραβολη** и геометрическое понятие *парабола* — одно. Я не собираюсь говорить о математическом аспекте, потому что это выше моих возможностей, возможно, и ваших. Парабола в пространстве — это причудливая фигура, созданная пересечением конуса какой-либо секущей плоскостью. Это не совсем просто понять; но подумайте, что случается с колесом, хрупким металлическим ободом: оно круглое, имеет центр, у вас целое колесо. Если вы станете сжимать его с двух сторон, оно превратится в овал, оба конца которого — полукруги, каждый со своим центром, у

колеса появилось два центра, так что когда вы смотрите на один из них, другого для вас *нет*. И если продолжать сжимать — я прошу прощения, что представляю вещи гораздо сложнее, чем говорит о них Евангелие, — случится то, что ваше колесо сломается вот так, обе половины вытянуты и заканчиваются полукругом. Но здесь представляет интерес — и это же относится к параболе, о которой я упомянул, — то, что в какой-то момент есть центр полукруга, но вдоль прямой, уходящей в бесконечность, следуя этой прямой, можно обнаружить другое место, и еще другое, и еще, и еще, где *был* другой полукруг — и исчез.

Именно это и происходит с притчей: вам предлагается что-то совершенно ясное: рассказ о дрожжах, рассказ о последнем Суде или еще о чем-то. И можно сосредоточить всё свое внимание на этом и сказать: А, теперь мне всё понятно!.. А затем, по мере того как вы всё ближе знакомитесь с рассказом, вы обнаруживаете в нем самые разнообразные значения, которых нельзя обнаружить простым умственным упражнением, — всякий раз это требует новой зрелости, вы отходите от очевидного, бросающегося в глаза центра и следуете линии, которая в конечном итоге уносит вас в бесконечность Божию. Вот этим-то чрезвычайно интересны притчи Ветхого и Нового Завета, а также все притчи, которые можно прочитать в древней письменности или в восточных литературах: это рассказ, который сам по себе — всего лишь начало; это центр притяжения, с которым связано что-то другое, это отправная точка. И если оттолкнуться от этой точки и расти духовно, умственно, возрастая опытом, то открываются новые пути.

Но вот что меня очень поражает: очень и очень многие Евангельские притчи заимствуют свою тему из природы. Вы, конечно, помните семя и сеятеля, вы помните лилии и т. д. И мне кажется, что это не случайно, будто Христу было просто удобно говорить о том или другом, потому что эти предметы были прямо тут, на глазах. Я думаю, что между Богом и тварным миром существует такая взаимосвязь, которая позволяет любой видимой вещи указывать на невидимое. Всё видимое, всё материальное имеет глубину; так можно думать на основании того, что Бог создал всё, каждую вещь актом любви, и создал ее такой, что она продолжает иметь с Ним связь; она — не просто «предмет», который Бог сотворил и пустил в историю. Этот предмет имеет связь с Богом; и мы можем видеть это, потому что все чудеса евангельские свидетельствуют о том, что материальный мир может слышать Его голос и отзываться.

Возьмите, например, все чудесные исцеления, которые мы находим в Евангелии. Причина болезни, причина, почему что-то не в порядке — сам человек, а его больное тело — жертва. И Бог обращается, разумеется, к человеку, потому что, чтобы отношения снова стали гармоничными, перемениться должен человек; но Он обращается со словом и к тому, что мы очень часто рассматриваем лишь как инертную природу.

Возьмите, например, те несколько случаев, когда Христос повелевает ветру и морю, когда приказывает лихорадке оставить тещу петрову, приказывает болезни уйти. На основании этого мы можем признать, что между Богом и всем сотворенным есть связь, что творческое слово, которое прозвучало когда-то и вызвало всё к бытию, продолжает звучать, и всё, что создал Бог, сохраняет способность слышать и понимать, и внимать Ему. Это становится еще более явно, проявляется с такой силой, если подумать о Воплощении. Бог воспринял человеческую природу; но это же означает, что Он принял на Себя, соединил со Своим Божеством *материальность* этого мира, потому что все мы состоим из тех же атомов и частиц и всего, что тварно. И Христос, став человеком, *сроднился* как с самой великой галактикой, так и с малейшим атомом и со всеми нами в нашей материальности.

И значит, когда Христос говорит конкретными приточными образами, это не *образы*; Он говорит нам: «Взгляни на мир, который Я создал: он связан со Мной такой связью, которой ты уже не чувствуешь; ты ее больше не видишь, ты ее не воспринимаешь больше; а между тем мир находится в такой связи со Мной, что способен слышать Мое слово, отзываться на него». И чудо, в отличие от волшебства, не есть акт насилия — это акт высвобождения природы или человека, или тела, которое подпало под рабство зла, — и теперь становится *свободным*.

Так что и это — установление нового взаимоотношения между Богом и сотворенным Им миром. И в этом смысле всё для нас может стать притчей, если мы сумеем так смотреть, так всматриваться в вещи. Но многое закрывает от нас такое видение, и главное — наша сосредоточенность на самих себе; главное, что в центре — мы; и нам крайне редко удается оторваться от себя, от самосозерцания, от озабоченности собой и взглянуть вокруг себя объективно, другими словами, посмотреть на окружающее нас так, будто оно не имеет к нам никакого отношения, не представляет для нас ни опасности, ни проблемы.

Я вам дам пример, вероятно, очень примитивный — но тем не менее: вы идете в зоопарк, стоите перед клеткой и смотрите на тигра. Вы видите, как он лежит, встает, ходит, рычит, и говорите: «Какой великолепный зверь!» И вдруг вы случайно обнаруживаете, что сторож забыл хорошенько запереть дверцу клетки, что тигр распахнул ее, уже находится снаружи, с вашей стороны решетки... Он уже не «великолепен», он «ужасен», потому что в этот момент вы не любуетесь его красотой, а охвачены ужасом: он может напасть на вас, ранить, растерзать, убить. Что произошло? Произошло то, что в первом случае вы с самого начала смотрите на тигра отстраненно; когда он оказался снаружи, вы видите только себя самого.

Разумеется, такое не часто случается с нами; но это может случиться, когда на нас бросается большой пес или даже маленькая собачонка. Сначала наша реакция: «Ах, какая прелесть!»; но в тот момент, как она покажет клыки, это уже не «милый песик». Всё это очень важно, потому что, чтобы выражаться притчами, как говорил Христос, надо иметь глубокую близость, глубинное общение с тем, о чем вы говорите, с проблемами, но и с тем, что выбираете предметом притчи, и вы должны быть отрешенными в том смысле, чтобы ощущать себя свободными, не связанными и способными взглянуть на предмет сам по себе.

Я уже сотни раз давал в приходе пример, но боюсь, что дам его еще раз — в надежде, что многие из вас его не слышали, некоторые — забыли, а те, кто помнит, могут пока вздремнуть.

В одной из книг Чарльза Уильямса [1] есть рассказ о женщине по имени Лестер. Эту молодую женщину убило при авиакатастрофе; самолет упал, все погибли, тела ее нет, а душа находится на месте гибели: на Вестминстерском мосту. Эта Лестер была до конца и совершенно эгоцентрична и эгоистична; она никогда ничего не замечала из того, что не касалось, не затрагивало ее лично, так что весь окружающий мир никогда для нее не существовал. И вот, она стоит на мосту, мимо проходят толпы людей, и она *никого* не видит. День сменяется ночью, проходит и ночь — всё, что она видит, это дома и пятна в них, то яркие, то темные, и это ничего не означает для нее, потому что ну никак ее не касается. Пока вдруг мимо не проходит ее муж, и его она видит. Не потому что была так уж особенно привязана к нему; но хоть как-то связана с ним, она им обладала, она пользовалась всем, что он мог ей дать. Он был частью ее жизни, и поэтому она может его видеть, он существует. И с этого момента она начинает что-то открывать, начав с мужа и дальше к тому, что она еще знала. В какой-то момент она оказывается

уже не на мосту, а на берегу Темзы, и смотрит на реку. Когда у нее было тело, она с ужасом отшатывалась от этой реки, потому что видела ее жирные воды, отяжелевшие отбросами, и ее реакция была: Боже мой! Какой ужас, если бы пришлось этой воды напиться! Как отвратительно было бы в эти воды погрузиться!.. Но теперь у нее нет тела, и у нее нет этой физической реакции на эти воды; она видит их такими, какие они есть: именно таковы должны быть воды реки, протекающей через большой город и уносящей всё, что город сбрасывает в реку на ее пути к морю. Она видит эти воды как таковые. И потому что она принимает их такими, она начинает сквозь слои густоты видеть дальнейшие слои меньшей густоты, большей прозрачности. Она видит этот поверхностный загрязненный слой, затем ниже — еще большую прозрачность, глубже — большую чистоту, дальше и дальше. Так что, переходя от одного слоя к следующему, она обнаруживает, что сердцевина реки состоит из воды, не из отбросов, грязи; там — вода! И вглядываясь еще глубже, она видит совершенно особенную воду; и в сердцевине этой воды, которая стала частью человеческой истории, так сказать, человеческой жизни, видит воду первозданную, сотворенную Богом воду, совершенно чистую, прозрачную; и в самой сердцевине этой воды сверкающий поток, — это та самая вода, которую Христос дал самарянке. Почему она это видит? Потому что в этот момент она совершенно отрешена от себя; у нее нет физического тела, которое мешало ей видеть эти воды, как они есть, а не такими, каковы они по отношению к ней.

Вот одна из причин, почему так часто истина, предстающая нам как таковая, абстрактно, не достигает до нас; притча же доходит до нас в той степени, в какой мы способны воспринять ее. Иногда притчу надо пояснить: апостолы *ничего* не поняли в притче о семени и сеятеле, а им надо было понять, необходимо было понять.

А порой — вы, вероятно, помните, как Христос обращался к толпе. Он шел, Его окружала толпа, и Он говорил с учениками, потом кто-то из толпы задавал вопрос, и Он отвечал; и что случилось? Представим себе небольшую толпу — вроде нас сейчас, и Христос говорит с учениками о вещах, которые **на грани** их понимания, но Он сеет семена, которые принесут плод после Его смерти и воскресения, когда ученики поймут всё, что стоит за словами. А затем вдруг кто-то, женщина, мужчина, выступает вперед и ставит вопрос, и Христос прерывает Свою беседу с учениками и отвечает на вопрос. А что делает толпа? Нам ничего об этом не говорится, но так легко себе представить, что в этой толпе есть мужчины, женщины, у которых этот

вопрос еще не сформулировался достаточно ясно, чтобы поставить его, но уже где-то созревает, он уже принимает некие очертания, хотя человек еще неспособен выразить его словами; и вот кто-то задал вопрос: это же *мой* вопрос!.. И они слушают. Но есть и другие люди, у которых *никогда* не возникало подобного вопроса; они, вероятно, переглядывались и говорили: О чем это они говорят? Один глупец задал нелепый вопрос, а Этот тратит время на ответ! Что это с ними?..

Так вот, что-то подобное происходит с нами, когда мы читаем Евангелие; такие случаи встречаются и в житиях святых. Иногда в житии мы видим, как святого окружают люди, и святой совершает непонятный поступок. Я сейчас думаю о святом Амвросии Оптинском. Он беседовал с группой просвещенных людей, которые ставили ему вопросы о духовной жизни; и вдруг он оставил их, бросился в толпу, вытащил из толпы убого одетую старую крестьянку, посадил ее рядом с собой на пенек и стал обсуждать с ней, как следует кормить индюшек. Когда он кончил, она поблагодарила и отошла, и те духовные люди сказали: «В чем дело? Мы не понимаем тебя! Ты беседовал с нами о духовных предметах, и всё оставил, чтобы говорить с ней об индюшках, о том, как их кормить...» И он ответил: «Да, потому что духовная беседа для вас — роскошь, а для нее эти индюшки — вопрос жизни и смерти. Ее нанял пасти индюшек богатый крестьянин, индюшки у нее мрут, и хозяин сказал, что если мор не прекратится, он ее прогонит. А для нее это означает остаться без крова и умереть с голода. Так что для нее совет о том, как кормить индюшек, важнее, чем для вас знать, как святые лицеизрели Бога».

Так что видите, данный случай по той же линии: есть кто-то, для кого вопрос реален, и к этому человеку притча обращена на самых разных уровнях; на самом очевидном, на котором представлен образ, но также на самом глубоком уровне, какой только доступен ему. И потом в какой-то момент понимание кончается, образ исчерпал свое содержание; человек должен сначала созреть и измениться, чтобы он смог сделать следующий шаг и открыть для себя новый уровень — подобно Лестер, которая открыла, обнаружила, быть может, пять, шесть, десять слоев, пока не дошла до сверкающего потока воды живой, воды жизни вечной.

Вот, пожалуй, всё, что я могу сказать вам о притчах. Не знаю, пригодится ли вам что-либо из сказанного; и если у вас есть вопросы, я могу попробовать ответить на них.

(Вопрос) «Имеющий уши да слышит...»: как Вы думаете, Христос в каком-то смысле не хотел, чтобы люди понимали?..

Нет, я думаю, Он хотел, чтобы они понимали то, к пониманию чего уже созрели. Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся в жизни, возникает из-за того, что мы сталкиваемся с вещами, которые превосходят нас, а нам кажется, что мы их понимаем, потому что головой — да, понимаем. Но они остаются совершенно бесплодными в нас, и из-за того, что мы думаем, будто поняли их, мы никогда не переходим в реальность из мира фантазии. Христос предлагал Свое учение и Свои притчи так, чтобы каждый человек мог понять их на уровне собственной зрелости. Он не предлагал интеллектуальных построений, которые могут быть поняты только умственно и отложены в уме, в памяти как интересный материал.

Я помню, очень давно один из моих воспитанников спросил меня в летнем лагере, что ему читать о духовной жизни. И я ответил: «Читай Добротолубие!» В каком-то смысле это был самоочевидный ответ, это очень практично, в нем всё есть. Я упомянул об этом при одном старом священнике, отце Сергии Четверикове, и он мне сказал: «**Никогда** не говори так!» — Я удивился: «Что вы имеете в виду? Я посоветовал читать самую лучшую книгу, какая только есть!» — И он ответил: «Да! У него возникнет иллюзия, будто умом он всё понял; в лучшем случае он станет, словно обезьяна, подражать примерам, которые вычитает там. Он станет прошколенной обезьяной, он никогда не поймет самую суть вещей, но то, что он прочитает о них не вовремя, станет помехой, не даст ему прочесть и понять эти вещи, когда он достаточно созреет для них».

Я думаю, *имеющий уши слышать да слышит* подразумевает вот это. Христос не старается навязать умственное понимание; Он дает образ, и вы воспринимаете из него столько, сколько способны воспринять. И потому что вы восприняли его всем своим нутром, всем своим опытом жизни, всей чуткостью своего сердца, всей своей способностью понимать и себя, и всех и вся, вы сможете применить его. Я так понимаю эти слова; может быть, я ошибаюсь, я не утверждаю, что прав, но вот как я это чувствую. Потому что если сказать некоторые вещи слишком рано, это ничего не даст.

(Вопрос о десяти девах со светильниками)

Это трудная притча, потому что в каком-то смысле, если мы честны и не слишком благочестивы, то у нас большую симпатию

вызывают несчастные неразумные девы, которых выгнали вон, а не «мудрые» девы, которые отказались поделиться с первыми елеем для светильников.

Мне кажется, суть ее в том, что если вы идете навстречу Господу, внутри у вас должно быть горячее, которое поддержит пламя; если внутри у вас ничего нет, кроме порыва «я хочу встретить Его», если кроме этого вы абсолютно пусты, без содержания, поделиться с вами елеем невозможно. Невозможно в один миг передать человеку зрелость. Но я не смею утверждать, что правильно понимаю эту притчу, меня всегда несколько отталкивали «мудрые» девы...

Лондон, 18 ноября 1993 г.

Перевод с английского

1. *Charles Williams. All Hallow's Eve* (в названии — обозначение англиканской службы Кануна дня всех святых). — *Ред.*